

УДК 94 (327.8)

**ПРИНЦИПЫ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(кон. 1970-х – нач. 2010-х гг.)****SINO-AMERICAN PRINCIPLES OF MUTUAL RELATIONS
(con. 1970's – early 2010s.)****Ц.М. Чикаидзе, С.Х. Сурхаева
Ts.M. Chikaidze, S.H. Soorkhaeva***Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
РФ, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина 21.**North Ossetia State University;
44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia**e-mail: tsisnamy@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена факторам, определяющим специфику китайско-американских отношений с конца 1970 по начало 2010-х гг. Отмечается значимость взаимодействия КНР и США в торгово-экономической сфере. Динамизм китайской экономики и крепнущий военно-политический потенциал, расхождения в сфере геополитики и геоэкономики являются показателями нарастающего соперничества двух стран. Принципы взаимоотношений между США и КНР имеют сложную динамику и учитывают фактор роста китайской экономики, в ближайшем будущем могущей составить прямую конкуренцию США и в других сферах, включая глобальную политику.

Resume. The article is devoted to the factors that determine the specificity of Chinese-American relations since the late 1970s – early 2010s. Noted the importance of interaction between China and the United States in trade and economic sphere. The dynamism of the Chinese economy and strengthening military-political potential, differences in the sphere of geopolitics and geo-economics are an indicator of the growing rivalry between the two countries.

Ключевые слова: Китай, США, внешняя политика, торгово-экономические взаимоотношения, стратегическое партнерство, Азиатско-Тихоокеанский регион, национальные интересы.

Key words: China, the United States, foreign policy, trade and economic mutual relations, strategic partnership, Asia-Pacific region, national interests.

Китайско-американский диалог является одним из факторов, определяющих динамику глобальной международной системы. Значимость взаимодействия Китая и США – двух крупнейших экономик и ведущих держав мировой политики – не ограничивается двусторонними рамками, распространяясь на региональные и глобальные уровни.

Провозглашение в декабре 1978 г. на пленуме ЦК КПК нового курса национального развития ознаменовалось началом трансформации коммунистического Китая во внутренней сфере. В фокусе внимания официального Пекина фигурировала и диверсификация внешнеполитической стратегии, когда на вооружение были взяты принципы развития паритетных отношений, сглаживания конфликтов, разрядки напряженности между странами.

В период, характеризующийся взаимным сдерживанием двух сверхдержав, по мере конфронтации отношений с Советским Союзом, Пекин рассматривал улучшение политических контактов с Вашингтоном как усиление собственных позиций в противостоянии с Москвой. Пресекая барьеры в идеологической сфере, китайское руководство предполагало согласованность действий с США по ряду аспектов политического характера, а также дальнейшую активизацию в области международных отношений. С установлением в январе 1979 г. двухсторонних дипломатических отношений помимо сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической сфере, было заключено соглашение о предоставлении Китаю режима наибольшего благоприятствования в области торговли, а затем и гарантии получения кредита в размере 2 млрд. долл. сроком на 5 лет с возможностью продления кредитования. Упрочнение взаимоотношений сказалось и на военно-техническом сотрудничестве: осуществлялся обмен разведывательной информацией, согласование позиций стратегического характера, кроме того, США содействовали обучению кадрового офицерского состава вооруженных сил КНР.

Приоритетным курсом нового китайского руководства становится модернизация экономической составляющей страны, что предполагало нормализацию отношений и урегулирование международной напряженности. Дипломатии же КНР предстояло решить задачу обеспечения благоприятных условий для своей страны в глобальном масштабе. Все ресурсы страны предстояло подчинить диалектике внутренних преобразований. Так к концу 1980-х гг. политические ориентиры претерпевают трансформацию, явно прослеживается приоритет национальных интересов над идеологическими догмами.

Демонстративная дислокация американских военных кораблей в шанхайском порту на момент визита в мае 1989 г. советского лидера М.С. Горбачева, согласно планам госдепартамента должна была стать показателем крепнущей дружбы между Вашингтоном и Пекином. Однако всплеск оппозиционного движения под эгидой реформирования политической системы и демократизации общественной жизни, в авангарде которого стояло студенчество, вылился в политический кризис, застав врасплох китайское руководство, реализовавшее с 1979 г. радикальную программу по преобразованию экономической сферы страны. Официальный Пекин не воспринял призывы Соединенных Штатов к либерализму – в результате «контрреволюционный мятеж» был подавлен. Политическая элита США, осудив чуждый демократии коммунистический режим КНР, отказалась от официальных контактов на высшем уровне, постепенно добившись и замораживания международных кредитов для Китая по линии Всемирного банка и других международных финансовых организаций.¹ Будучи одним из крупных заемщиков Всемирного банка, Китай освоил в 1988 г. 1,3 млрд. долл., рассчитывая дополнительно на 2,3 млрд. долл. в 1989-1990 гг.² Китайско-американским отношениям, символизировавшим с 1972 г. принципы взаимопонимания, был нанесен серьезный удар.

Динамизм китайской экономики, многоликость ее дипломатии, основанной на прагматизме, нежелании сдавать международные позиции, игнорируя интересами страны во имя мессианских устремлений Соединенных Штатов и их либеральных ценностей, вызывали раздражение в американских политических и финансовых кругах. Тем не менее, китайское руководство, не допуская диктата США, и придерживаясь выверенной тактики, сознавало, что для реализации программы реформирования необходимо вновь перейти к сотрудничеству. Впрочем, и в Вашингтоне понимали, что эскалация напряженности ввиду внутриполитической специфики КНР наносит ущерб интересам страны. Санкции и ограничения сняты не были, однако товарооборот в 1991 г. между странами составил 25,2 млрд. долл., непосредственно стабилизируя отношения. Риторика идеологического противостояния не могла воспрепятствовать двусторонним отношениям. Бурный экономический рост восточноазиатского гиганта и его возросшее влияние на мировую политику отчасти предопределили нескрываемую заинтересованность американских политиков к этой стране. В финансовых и бизнес-кругах США считали, что политическая напряженность в отношениях с Пекином чревата потерей преференций на обширном китайском рынке.

Придерживаясь собственных интересов, с завершением «холодной войны», позиция Китая ознаменовалась устремленностью к более активной роли в противостоянии за преобладающие позиции в мировой политике. Стабильные показатели экономического роста, повышение статуса в мире давали основание для намеченной цели.

Концепция Дэн Сяопина, нашедшая воплощение и во внешнеполитической стратегии Китая в 1990–2000-е гг., предусматривала укрепление позиций, уверенное реагирование на изменения, завуалированность своих возможностей, конкретную реализацию намеченных целей при активном участии в международных механизмах и развитии функциональной дипломатии. Это позволило КНР избежать растрачивания потенциала страны на «защитное противостояние» Соединенным Штатам. Оценивая политику Китая, Г. Киссинджер, как правило, исключал, что китайские политики могли проигнорировать какие-либо факты, поддающиеся обнаружению.³

С началом 1990-х интересы Соединенных Штатов смещаются из Европы в Азию, стимулируемые перспективой в дальнейшем доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе в политико-стратегической сфере. В свою очередь, стремительно развивающаяся китайская экономика позволяла стране наращивать военный потенциал, совершенствуя систему вооружений, что, бесспорно, заставляло считаться с ее присутствием в регионе.

Официальный визит в Китай летом 1998 г. Б. Клинтона активизировал двустороннее сотрудничество во всех сферах, в том числе, было достигнуто Соглашение о взаимном ненацеливании межконтинентальных баллистических ракет.⁴

¹ Киреев А.А. Политический кризис 1989 года в КНР и его влияние на американо-китайские отношения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4-1. Тамбов, 2000. С. 77.

² Mann J. About Face: a History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton. N. Y., 2000. P. 205.

³ Киссинджер Г. О Китае / Пер. с англ. В.И. Верченко. М., 2014. С. 416.

⁴ Носов М.Г. Политика США в отношении Китая // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 7. С. 5.

Специфичной чертой внешней политики Китая стал поиск несиловых, экономических и, вместе с тем, эффективных, не исключающих жесткости решений, акцент на индивидуальные отношения с отдельными государствами.⁵

В 2000 г. были сняты ограничения на контакты с американскими представителями на высшем политическом и военном уровне, принятые в мае 1999 г. после бомбардировки посольства КНР в Белграде, а затем и возобновлены отношения в военно-политической и торговой сферах.

Заинтересованность в сотрудничестве с Китаем отразилась в подписанном Б. Клинтон в октябре 2000 г. законе о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования. Содействуя вступлению Китая в ВТО, в ответ в Вашингтоне рассчитывали на гарантии доступа на рынок автомобилестроения, телекоммуникаций, сельского хозяйства; а также полагались на проведение радикальных рыночных реформ и демократизацию КНР. И если стремительный шаг к интеграции в мировую систему хозяйства вынуждал Китай действовать по принятым правилам, то членство в ВТО не гарантировало со стороны китайского руководства действий, направленных на политические реформы.

Стремясь избежать лишней прагматизма враждебности, американские правящие круги вынуждены были считаться с фактором возвышения Поднебесной, как державы с чуждой, неприемлемой для США моделью развития и идеологией, придерживаясь стабильных поступательных взаимоотношений, предоставляющих возможность развивать сотрудничество в военно-политической и торгово-экономической областях между двумя странами. Так восьмилетний период президентства администрации Б. Клинтона способствовал вовлечению КНР в мировую интеграционную систему, с целью же предотвращения усиления Китая, параллельно решалась задача по ограничению его потенциала. Безусловно, в Вашингтоне искали возможность сделать политику Китая более предсказуемой, а также держать руку на пульсе новейших китайских военно-стратегических разработок. Более того, в рамках военного сотрудничества американские корпорации рассчитывали обеспечить доступ к рынку вооружений КНР.

Устремленность республиканской партии к поддержанию господствующих позиций в сфере геополитики проявилась в период предвыборной кампании Дж. Буша-мл. в ноябре 1999 г. Китай будущим президентом расценивался в качестве соперника, а не стратегического партнера, в отношении которого Вашингтон готов был занять жесткую позицию, отстаивая национальные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Не упуская из поля зрения аргументы, позволяющие Вашингтону полемизировать по таким принципиальным вопросам, как тайваньская проблема и соблюдение прав человека в Китае, администрация 43-го президента США стала вести политику, направленную на стабилизацию отношений с КНР, с целью создания благоприятных условий для двустороннего сотрудничества, поскольку в перспективе конфронтационный характер отношений более не отвечал долгосрочным интересам США. Госсекретарь К. Пауэлл в начале 2001 г. характеризовал Китай одновременно как конкурента и потенциального соперника в АТР, так и значимого торгового партнера, поэтому китайский вектор политики США сводился к доктрине «шаг вперед и два назад», т.е. развивать стратегическое сотрудничество через элементы сдерживания КНР.⁶

Ощутимая напряженность в китайско-американских отношениях стала прослеживаться после подтверждения Соединенными Штатами в первой половине 2001 г. намерения продолжить с Японией совместный проект противоракетной обороны театра военных действий, как наиболее рациональный способ сдерживания Китая. Хотя на официальном уровне не констатировалось, что ПРО призвана защитить США и ее союзников от российских и китайских ракет,⁷ это вызвало настороженность официального Пекина, расценившего упрочнение американско-японских связей как подрыв интересов страны в АТР.

Тактически выверенная тактика Вашингтона по поддержанию баланса сил в регионе и нейтрализации наступательной мощи КНР была связана с развертыванием системы ПРО в Восточной Азии. По мнению военных экспертов, вовлечение Китая в систему «коллективной безопасности» в регионе, в которой бы Поднебесная играла значимую роль, находясь под американским контролем, отвечало прагматичному настрою Вашингтона.

С началом XXI столетия США становятся основным экспортным рынком Китая и вторым по величине вслед за Японией ее торговым партнером, в то время как КНР отводилась четвертая позиция в американском торговом обороте.

⁵ Точеная А.О. Американско-китайские отношения как фактор безопасности в евразийском регионе. Влияние прокитайского лобби в США // Научные труды Северо-Западного института управления - 2013. Т. 4. № 1. С. 252.

⁶ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М., 2010. С.210.

⁷ Косов А.П. Политика США в отношении Китая в 1993-2000 гг. // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова». Витебск, 2013. Том 16. С. 54.

Так сращивание торгово-экономических интересов, включая инвестиции, помимо приобретения КНР казначейских обязательств США, стало настолько взаимообусловленным, что США оказались не способны на тактику ослабления Китая, проводимую ими по отношению к СССР.⁸

Упрочнение позиций восточноазиатского гиганта, как отмечалось в сентябре 2003 г. К. Пауэллом, устраивало США, пока он проводил политику глобальной ответственности, тождественную американским интересам.⁹

Ориентированность на плодотворное сотрудничество привело к переориентации китайского вектора внешней политики США – на противодействие международному терроризму. Располагал Вашингтон и арсеналом методов давления. Однако поощряемый американским руководством процесс демократизации КНР, выносимая на рассмотрение ООН правозащитная проблематика в стране, вызывали ответные меры со стороны Китая.

Открытая критика действий США в отношении Ирака и НАТО в Югославии при решительной позиции Пекина, направленной на прекращение военных действий, не могла гарантированно способствовать сближению двух стран.

Преодолевая узкий регионализм, Пекин ратует за формирование глобальной ответственности посредством гармоничного мира, совместного развития, активного участия в международной жизни. «Олимпийская дипломатия», умело используемая китайским руководством, стала катализатором изменения международного статуса государства и его влияния на мировые процессы.

Конструктивными для национальных интересов коммунистического Китая были признаны и взаимоотношения с Суданом и Мозамбиком в различных областях, без проявлений синхронности действий с Вашингтоном. И, хотя Китай открыто не противостоял созданию военных баз США в Кыргызстане и Узбекистане, его последующие действия были направлены на умаление шансов Вашингтона укрепить позиции в регионе. В частности, Пекин в рамках Шанхайской организации выступил за сотрудничество в борьбе с терроризмом, выдвигая для среднеазиатских республик альтернативу американским проектам в названной области, а также возможность сотрудничества в энергетической сфере.¹⁰

На пути к глобальному доминированию Соединенными Штатами Америки инициировались попытки управлять миром через энергоресурсы, прилагая усилия и по сдерживанию России и Китая, дестабилизируя его западные районы.

Расширяя свое влияние, не конфликтуя с Вашингтоном, не подвергая сомнению стратегическое партнерство с Россией, КНР проявляет интерес к постсоветским среднеазиатским республикам. Очевидно, что тактика российской дипломатии здесь основана на поддержании стратегического баланса интересов.¹¹

В итоге в эксплуатацию в 2009 г. была введена газотранспортная магистраль, соединившая Китай, Казахстан, Узбекистан, Туркмению.¹² В этом плане Центральная Азия представляет стабильный стратегический тыл Китая и возможность получения энергоресурсов, дистанцируясь от «подверженных риску коридоров и проливов, контролируемых другими государствами».¹³

Совпадение китайско-российских интересов вносит ноты проблематичности для американского руководства. Несмотря на доктринальные различия внешней политики, очевидна разделяемая обеими странами общность интересов в противостоянии глобальному американскому натиску и продвижению, неприятие ими стратегических инициатив США в сфере ПРО; их методов демократизации и смены режимов. И, как отмечалось Зб. Бжезинским, внешнеполитические курсы РФ и КНР по ключевым вопросам мировой политики имеют больше связующих элементов, нежели каждого из них к Вашингтону.¹⁴ В среднесрочной перспективе, как и предшествующий четвертьвековой период, данные факторы остаются определяющими конфигурацию взаимоотношений трех держав.

Устремленность к консолидации с Россией соответствует традиционной китайской геополитической концепции, базирующейся на трактате Сунь Цзы – единение двух и более – против сильного.

Расширяя и укрепляя позиции в Восточной Азии, Поднебесная вносит вклад в многосторонние проекты, считая конструктивным элементом своей дипломатии сопричастность к региональным организациям. По отношению к государствам АСЕАН Пекин, придерживаясь взвешенной и филигранной политики, проявляет сдержанность. Так, в период экономических кризисов на

⁸ См.: Косов А.П. Политика США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл. // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». Витебск, 2014. Т. 17. С. 66-68.

⁹ Круляк М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010. С. 235.

¹⁰ См.: Витковский С.М. Китай во внешней политике США (2001-2004) // Вестник БДУ. № 1. Минск, 2010. С. 41.

¹¹ Задохин А. Г. Китайская дипломатия: стратегия или тактика? // Обозреватель-Observer. 2008. № 2. С. 124.

¹² Будаева С. В., Дегтярева Н. В. Внешняя политика Китая в отношении сопредельных стран // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 9 (100). С. 59.

¹³ Розмарин Л. Конвергенция и конфликт: влияние «структуры» и политики на отношения России, Китая и Соединенных Штатов // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 3. Том 14. С. 155.

¹⁴ Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010. С. 148.

рубеже столетий, не развертывая товарной экспансии в регионе, он предоставил, в отличие от жесточайших «антикризисных» кредитов МВФ и МБРР, льготную финансовую помощь странам Юго-Восточной Азии. Демонстрируя достигнутыми успехами и растущим международным авторитетом, пример китайского опыта модернизации КНР претендует и на альтернативную Западу модель совершенствования международных отношений и мировой политики. Расширяя формат сотрудничества со странами региона и США, по мнению китайского специалиста Линь Лиминя, «Китай не должен толкать»¹⁵ страны субконтинента на союз с Вашингтоном.

Китай плавно и неотвратно движется в направлении глобализации. Четкие ориентиры внешнеполитических приоритетов от глобальных к региональным становятся чисто условными. Интеграционные потребности, динамика роста влияния в региональных организациях (АТЭС, АСЕАН, ШОС) находятся в прямой зависимости от необходимости и приоритетности их для Пекина. Китайские политикоформирующие круги, проявляя особую бдительность к проявлениям умаления статуса КНР, провозгласили важнейшими национальными приоритетами – сохранение суверенитета и территориальной целостности страны¹⁶. Крепнущий китайский национализм и мощный экономический рост актуализировали векторы долгосрочной внешней политики КНР. Внешнеполитическая стратегия КНР демонстрирует ориентированность на формирование благоприятных условий для реформирования, гарантирующих переход КНР на уровень держав, структурирующих международные отношения из категории стран, лишь реагирующих на процессы в мировой политике.

Сложившаяся международная экономическая и политическая конфигурация в целом удовлетворительна для Пекина. Важным пунктом китайской внешней политики является демонстрация «мирного характера» супердержавы, дистанцирующейся от международных обязательств, чреватых замедлением темпов экономических реформ.

В обозримом будущем взаимоотношения КНР и США, основанные на элементах сотрудничества и конкуренции, станут определять наибольшее влияние на развитие архитектуры современных международных отношений. При этом в американской столице осознают, что следует в определенной мере соотносить геополитический подъем Китая с потенциалом Соединенных Штатов. С крахом позиционирования США в ранге супердержавы на рубеже столетий Китай, в силу колоссального экономического потенциала, численного показателя народонаселения и растущей военной мощи, наблюдая процесс децентрализации международных отношений, оспаривает гегемонистские устремления официального Вашингтона.

Если в официальных кругах Китая и Соединенных Штатов оценки критериев двусторонних взаимоотношений квалифицируются в позитивном ключе, то политические реалии свидетельствуют о цикличности диалога между странами. Подобную непоследовательность двусторонних отношений можно отнести на счет принципиальной разобщенности в идеологической сфере, несопоставимости экономических моделей развития, позиционирующего себя в качестве нового «центра силы» Китая и удерживающей позиции сверхдержавы.¹⁷ Интенсивная конкуренция и региональная нестабильность станут возможны, согласно экспертному мнению, в случае, если Соединенные Штаты станут представлять противовес возрастающему влиянию КНР.¹⁸

Политическая трансформация Китая из страны, придерживающейся сдержанного нейтрального внешнеполитического курса, в амбициозную державу, с крепнущим «ястребиным крылом», ознаменовалась отдалением от внешнеполитической риторики и выбором стратегии развития собственного военного потенциала.

В связи с реализацией Китаем проекта «глобальная держава» возникает дилемма: достаточно ли лишь экономической мощи КНР для подобной трансформации или необходимо ее подкрепить соответствующим уровнем военно-стратегического потенциала (сопоставимым с США и Россией). Анализ темпов и планов по перевооружению и развитию стратегических компонентов свидетельствует о недостаточности высоких темпов развития экономики. В китайском политическом истеблишменте имеют место тенденции, направленные на конвертацию внешней политики и соответствующих лидеров, которые могли бы увереннее говорить со всем миром.¹⁹

Двоякая позиция Белого дома в отношении Тайваня: от обязательств не устанавливать дипломатических отношений до масштабных поставок современного вооружения Тайбэю (6,4 млрд. долл.) привела к новому витку напряженности. Глава китайского внешнеполитического ведомства Ян Цзечи 30 января 2010 г. расценил решение американской администрации как угрозу национальной безопасности реализуемой Пекином политики «одного Китая».

Однако необходимость и стремление политической стабильности требует продолжительного периода мирного сосуществования.

¹⁵ Limin L. Future International Trends as Predicted from the International Situation of 2011 // Contemporary International Relations. № 1. 2012. January-February. P. 1–22.

¹⁶ Старкин С.В. Китай-США: соперничество или сотрудничество // Обозреватель-Observer. №3. 2014. С. 5.

¹⁷ Лексютин Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 211–212.

¹⁸ Xinbo W. Not Backing Down: China Responds to the U.S. Rebalance in Asia // Global Asia. № 7. 2012. Winter. P. 20.

¹⁹ Лузянин С. Г. Китай и XVIII съезд КПК // Обозреватель-Observer. №2013. №1. С. 58.

США, предполагая гипотетическую вероятность конфронтации, нацелены на формирование предсказуемых двусторонних отношений с Китаем.²⁰ Внешнеполитические заявления американских правящих кругов выдержаны в примирительной тональности и ориентированы на деэскалацию напряженности. Китайское экспертное сообщество склонно полагать, что КНР содействует ключевым интересам США, в то время как тактика Вашингтона по отношению к Китаю неудовлетворительна, символизируя ожидания восточного партнера. Пекин рассматривает «новую фазу» отношений как возможность получения односторонних уступок по ряду спорных вопросов от американской стороны, ввиду того, что администрация Б. Обамы не сумела завуалировать превосходящую значимость КНР для своей страны.

Прослеживается дисбаланс между ростом взаимного скептицизма и настороженности в военно-политической области, и динамикой поступательного развития торгово-экономических отношений. Внешняя политика же стоит перед испытанием на прочность.

Взлет КНР и осуществляемая Пекином концепция «мягкой» силы являются результатом эволюционирования страны, когда достижение многоуровневого консенсуса в период глобализации базируется на окрепшей в период экономических кризисов политической мощи.

Таким образом, позиционный характер китайско-американских отношений, датируемых с 1972 г., редко приводил к кризисным ситуациям. Несмотря на фактически неизбежное присутствие США в АТР, эффективных методов нейтрализации и оказания влияния на восточноазиатского гиганта в арсенале американской столицы не выработали.

²⁰ Старкин С.В. Китай-США: соперничество или сотрудничество // Обозреватель – Observer. №3, 2014. С. 7.